

[illegible]

Точка с Божьей коровки

Изяслав Винтерман

Точка с божьей коровки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050989

Точка с божьей коровки:

ISBN 978-5-91627-146-1

Аннотация

Ненависть и боль оберегают любовь и радость, потому что они более хрупки и нуждаются в защите, в оболочке, в которую их и прячет, да и сам прячется автор. Стихи новой книги лирики поэта, живущего в Иерусалиме, дарят именно такое ощущение. Но тем, кто сможет проникнуть в их суть, выпадет счастливая возможность насладиться и сложностью, и притягательной игрой.

Содержание

Точка с божьей коровки	5
«Пошли мне лимонных долек...»	5
«Ажурное течение темных вод...»	6
«По осколкам света взбираясь вверх...»	7
«Фото двух женщин и двух мужчин...»	8
«Февраль кладут на стол весны...»	9
«Лечит ветер...»	10
«Любя или ругаясь с родиной...»	11
Вариации	12
«Если жить бесконечно долго, ну очень долго ...»	12
«Ветер дует, в моей голове опилки...»	12
«Зима. Пограничник съезжает с холма...»	14
«Если в первой строфе ты без лифчика...»	15
«Доплывем до Тигра и Евфрата...»	16
Yellow Submarine	18
Зима. Двойное стекло	19
«Я псих, но спящий. Не буди меня...»	20
Командир крови	21
1	21
2	21
«Слышу, как взрываются бомбы в его голове...»	23

«Снаружи идет война, я, конечно, годен...»	24
«Человек лежит, читает, никому не мешает...»	25
«В голове больше нет ни слов, ни нот...»	26
Exegi monumentum (I)	27
Exegi monumentum (II)	28
«Вода течет, набирая мужскую силу...»	29
«Мне нравятся разгон и замедление строк...»	30
Глубокий желтый	31
1	31
2	31
3	32
4	33
5	34
6	34
7	35
8	36
Стихи о любви	37
1	37
2	37
3	38
«Музу мою не зовут никак...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Изяслав Винтерман

Точка с божьей коровки

Точка с божьей коровки

«Пошли мне лимонных долек...»

Пошли мне лимонных долек —
улыбок в коробке.
Я половинка, нолик,
точка с божьей коровки.

Пошли кожуру с мандарина,
обертки, а не конфеты.
Шпажку в глаз – подарила:
взгляд – «ну что вы как дети!»

Я ли, господи, кто я? —
улыбаюсь с коробки.
Гибнет время, как Троя,
в темноте маскировки.

«Ажурное течение темных вод...»

Ажурное течение темных вод,
чередование дерганий и пауз.
Так едет поезд наш или плывет? —
Он на мосту, мост над рекою – парус.

Ни яблочек на станции купить,
ни семечек в кулечке из газеты.
И реюшая птица будто спит,
укачиваясь воздухом нагретым.

Но это только кажется, что взмах, —
отступит ширь; гнездо – подать рукою...
А если нет? А если это страх
растягивает небо над рекою?

«По осколкам света взбираясь вверх...»

По осколкам света взбираясь вверх.
По ветвистой лестнице – выше, выше.
Stand-up tragedy: хлопаем, руки вверх!
Можно чуть-чуть ниже! Так и запишем:

как стоял ты, поднятый в небеса
по тревоге, бледный худой подросток.
И светилось сердце, и жгла роса...
Так углем и сделали твой набросок.

Нитью капелек – этих ожогов след.
Даже черным по белому – всё туманно.
И блестят глаза, поглощая свет,
и всю ночь его засыпает манна.

Мы запишем: «Счастлив не будешь ты!
Но за выслугу, также и нашу милость —
и несчастным тоже!» Держи листы
в рваных строчках, сколько тебе не снилось.

«Фото двух женщин и двух мужчин...»

Фото двух женщин и двух мужчин —
тени легли.

Что отделяет академию генштаба
от высшей худшколы.

«Февраль кладут на стол весны...»

Февраль кладут на стол весны.
Приходит детский врач.
Спасает. Нет его вины
в период неудач.

Кто только ни спасает нас
и держит на весу.
А кто забыл свой день и час,
не радуется весну.

Шагнули мы в чужой размер,
размяв не свой простор.
И нам отмерил землемер
окно, а цифры стер.

«Лечит ветер...»

Лечит ветер.
В горле шумит прибой.
Морем лицо умой!
Если кратчайший путь по прямой —
нет между нами прямой.

Щиплет море,
искрится зеленый свет.
По проводам простор.
На перемотке бежит огонь — с вет-
ки на ветку с гор.

Белой дорожкой плит,
колонн, замшелых аркад.
Море кипит, палит
солнце. Рассыплется виноград.
Время — что конокрад.

«Любя или ругаясь с родиной...»

Любя или ругаясь с родиной,
зря говоря:
«Высоко... ваш... выс-с-с-благородие,
всё зря, всё зря...»

А родина — в лице прохожего —
дерюга, стыд.
Смотри — в глазах создания божьего
душа блестит.

Но ни за что уже не умер бы,
ни за кого.
С рассвета наступают сумерки,
проходит год.

Вот только отступали белые,
бежали в тыл.
И облака, что груди спелые,
о, я б схватил.

И прятались в засаде красные —
мерз продотряд.
И мокрый шарф, и очи ясные
всё говорят.

Вариации

«Если жить бесконечно долго, ну очень долго ...»

Если жить бесконечно долго, ну очень долго —
доживешь и до Юрьева дня, и свободы воли,
голубого периода в сердце, желанной Ольги —
недоступной всё так же, хотя ни двора, ни школы.

Ветер с моря подует, меня поцелует пылко.
Бриз похож на мелодию, тело – на белый танец.
Можно просто лежать, кузнечиков слушать пилки.
Если жить бесконечно долго, то рай настанет.

«Ветер дует, в моей голове опилки...»

Ветер дует, в моей голове опилки.
Золотая стружка солнца в холодном теле.
Можно просто лежать, поющие слушать жилки.
Бриз – мелодия, белый танец в постели.

Ветер кутает нас в облака из гусиной кожи.

Мы в ажурных объятиях дней навсегда живые.
На стеклянные ночи садятся во сне стрекозы.
В темных окнах – море и звезды сторожевые.

«Зима. Пограничник съезжает с холма...»

Зима. Пограничник съезжает с холма.
Он бел в маскхалате – прощай, хохлома.
Он чист, он чекист по отцу и отца
желанью бежать, точно зверь на ловца.

И холм не полог, и судьба не пряма.
Скользит пограничник, разведчик-чума.
Под ватником толстым, под теплым бельем —
подросток, берущий то спуск, то подъем.

Он попросту спит, он летит в тишине
и счастья куски собирает во сне —
счастливое море, безбрежный уют
и жизнь бесконечную – в пару минут.

«Если в первой строфе ты без лифчика...»

Если в первой строфе ты без лифчика,
то в последней стреляет ружье,
объясняя прям в сердце счастливого,
что его, что твое, что мое.

Жарко в августе, даже на простыни
будто море приносит песок.
Золотое сечение осени
впереди или наискосок.

Время в темном неясном движении,
ноет в сердце живая вода.
Всё так четко и без искажения
и не будет таким никогда.

Счастье — легкими воздуха стрелами,
всё в томленье, слоев толчея.
И волнуется жизнь между стенами —
где моя, не моя и ничья.

«Доплывем до Тигра и Евфрата...»

Доплывем до Тигра и Евфрата —
будет всё тигрово и евфрато.
Выйдет не Аврора, а Эрато,
обнимая крыльями, как брата.

У меня сестра, а брата нету.
Я давно не улыбался небу.
Пусть уже наступит время это.
Жаль, что солнце прячется, как эхо.

Пять углов в моей бушуют цифре.
Я сойду за собственного брата.
Волны разбегаются на Кипре,
а потом ползком быстрее обратно.

Таёт радость в сомкнутых объятьях.
Время точно пряди в беспорядке.
И одна сестра в тоске о братьях —
их макушки как цветы на грядке.

Выживет один, став Носферату.
А по остальным проедет трактор.
Доплывем до Тигра по Евфрату,
выполнив условия контракта.

Больно знать, что остается мало,
что желание бледно, а не ало,
светит безобидно, но не греет,
и Евфрат безудержно тигреет.

Yellow Submarine

Сидит в организме простуда
и дергает ниточки слез.
И сам я совсем не отсюда,
наверно, с собою привез.

И пью, как верблюд очумелый,
под тонною теплых рогож.
Я тоже пушистый и белый,
совсем на себя не похож.

Ныряю в большие глубины —
пустынно до самого дна.
Но жизни моей половины
соленая склеит вода.

И треск старой песни из глотки
послышится свистом в груди:
«Я кит, я макет желтой лодки,
хлебнувший холодной воды».

Зима. Двойное стекло

Развалы здания в снегу,
мир до и после разрушенья.
Как вспышки памяти в мозгу,
разряды прошлого решенья

заставят встать и наконец
ответить в трубку с перерывом:
затяжка, выдох в пять колец,
летающих девственно красиво.

Смотреть на стройку за окном,
накрытый простынею кратер.
Где пиро-техник – два в одном —
спасает водкой *альма-матер*.

Он лает в трубку, как зима.
Молчит, но требует ответа.
И я запомню: снег, дома,
колечки на одной из веток.

«Я псих, но спящий. Не буди меня...»

Я псих, но спящий. Не буди меня
бессонницей своей или простудой.
Душа волшебна в пять утра, смешна,
не помнит залпа тысячи орудий.
И встанет на дыбы во мне земля,
гремя костями, глиняной посудой.
Я б в это время всех прикончил для
спокойствия (а счастья и не будет),
и даже тех, с кем праздники встречал,
за образом ходил через туманы —
его там нет. И грош цена речам.
И нет нигде. Не надо новых данных.
Разворошу притухшую звезду
и пепел ночи вытряхну. Затеплю
сто сигаретных звездочек... Я жду
второго погружения под землю,
где будет тихо. Тени друг за дружкой,
кидают в кружку мелочь на еду.
Я псих настолько, что давно в аду.
Ты ночью задуши меня подушкой.

Командир крови

1

Кровь, не шуми, не приливай к лицу.
Твой зов услышан, мелкой дрожью встречен.
Не подводи, блуждая по кольцу,
я слишком хрупок и недолговечен.

И я всегда не там, где стоит быть.
Люблю не тех и никогда – взаимно.
Сужает время взгляд. В глазах рябит.
Везде темно искусственно и зимне.

Восход всплывает краскою глубин —
взрывоопасной смесью в небе пьяном.
Кровь заливает, врет, что я любим,
и дарит свет вторым, небесным планом.

2

Надо быть бодрым! А если сонным – хотя бы пьяным!
Самым быстрым ковбоем Востока – но вот, непруха.

Показывают, как наказывают. Переменным и постоянным

током и прочим потаканием телу в присутствии духа.

То взрыв небесный, то подземный. Пыхтит командир рядом:

«Ложись, вставай, беги, проси у господи помощь...»

Я командую только собою, не всем отрядом.

Позади меня прах и пепел, товарищ – ни фрукт ни овощ.

Только дождь позади меня – груды гудящих капель,

тысячи одноклеточных образцов долгополых шинелей.

Я тяну свое тело по грязи плюс телефонный кабель.

Свет и связь прерываются, господи. «Schnelle, schnelle...»

«Слышу, как взрываются бомбы в его голове...»

Слышу, как взрываются бомбы в его голове,
как по трубочке время пенится, точно cola.
Тошнокола со дна стакана, пей даже две —
я не пью, в глазах твоих блеск блуждающего осколка.

Свет дыханием сырости зачат в смертельные дни.
Жизнь короткой и славной будет (эй, хватит булькать) —
как узнать бы точнее по солнцу, по ветру и
по луне на струнах моста в колыбельной люльке,

что еще приготовит время. Зимы пирог?
Взбитый снег на сухом корже, снеговик с лопатой!
Я хочу ощутить сквозь кожу, как ты продрог,
и дрожать до конца с тобой под стеклянной ватой.

А потом теплом защекочет небо, зашевелит.
Разморозятся облака, поплывет картина.
Я хочу ощутить сквозь кожу, как жизнь болит.
И тепло на лице, будто солнечная урина.

«Снаружи идет война, я, конечно, годен...»

Снаружи идет война, я, конечно, годен.
Здесь мои стол, кровать, в кровати жена.
Значит, этот с ней рядом – я, а не меч господень.
Снится покой. Внутри тишина.
И берегу себя, но когда воюю,
впадая в чужие «я», я – агент двойной,
вспоминаю немецкую сторожевую,
дворового дебила, гонявшегося за мной,
полеты в космос, балеты, фронты, атаки,
потоки страха, потом въевшуюся боль,
хитрована с женой и сыном, бесстрашных даки,
до победы быющую голь.
Потом всем достанется на орехи,
на мыло, на водку от победителей войн.
Снаружи идет война. Саперы, морпехи,
крысы штабные, вести с передовой.

«Человек лежит, читает, никому не мешает...»

Человек лежит, читает, никому не мешает.
Другой приходит: «Помоги снять сапоги, дорогая!
Умаялся!» А потом языком смешает
водку с хлебом, боль с кипятком для чая.

Человек смеется – аж слезы брызжут, —
до надрыва смеется, усталость ему неизвестна.
А другой в сомнение – не заработала б грыжу:
«Лежи, дорогая, читай со смешного места».

«В голове больше нет ни слов, ни нот...»

В голове больше нет ни слов, ни нот.
Чистое небо. Не отследишь полет.
Нет остановок в небе на сон и суд.
Слова только сделают хуже, когда придут.

Без них было проще смотреть на летящий прах,
на снег, расплывающийся в лучах;
знать, что захочешь вернуться, а не к чему.
И за полетом следишь по себе самому...

Exegi monumentum (I)

Я возвращаюсь к пра... Потомок мой,
внучатый мой какой-нибудь племянник
(совсем другой язык ему родной),
но пленник духа и его посланник
к корням вернуться, стадию корней
минуя и условной пуповины,
почувствует меня (стихи, верней)
и отзовется хоть на половину,
на четверть боли (не ушла пока),
восьмую счастья (боль не доконала).
Века прошли в пустыне и века —
среди полей, лесов, водоканалов.
И колесо судьбы (моей судьбы),
проехавшись по всем, завязнет в прахе.
...Я возвращаюсь в рай. Грехи, мольбы —
лишь напрокат одолженные страхи.

Exegi monumentum (II)

И сто процентов – буду я кому-нибудь любезен
за то, что с гор, лесов, полей, морей и бездн
я к жалости и милости взывал.

Срывался на слова, но продолжал быть эхом —
по молочаю, по дорожкам, где лишь пехом
и молча. Стоп, привал.

Сползая тенью, тьмой цепляясь за кустарник,
к забытым навсегда я поднесу фонарик:
всех узнаю я здесь —
и я один из них, кто эхом или тенью,
и словом, и строкой, и всем стихотвореньем
жив и не умер весь.

«Вода течет, набирая мужскую силу...»

Вода течет, набирая мужскую силу,
по глиняным трубам, по насыпным валам.
Входишь в бассейн харибду любить и сциллу —
голые их тела плывут по волнам.

Можно любить, желаний своих не пряча,
грудь полновесную, полный тепла живот.
Каждое утро жизнь начиналась с плача
и заплеталась струями слов и вод

по мрамору пола и чистому небу лепному,
где солнечный ветер метет лепестки.
Душа погружается полностью, по-любому,
в желание страсти на глубину тоски.

«Мне нравятся разгон и замедление строк...»

Мне нравятся разгон и замедление строк,
нехватка звука, провал в глубину.
Жужжал кукурузник, летел на войну
с друзьями, с точкой росы – прыг-скок
по воздушным ямкам. По ямочкам твоих щек —
скачет взгляд мой. Истончается голосок —
спеть ему хочется, как без сожаленья с тобой порвать.
Несильный удар, нисходящий шок.
Бледный кто-то присел на мою кровать,

разрушил ясность последних минут,
на которые я рассчитывал, как на целую жизнь.
Мир летит в те края, где меня не ждут...
Я ни пасть, ни взлететь не могу – хоть вставай-ложись!
Луна расплывчата – глаз-хризолит.
Луч полоснет по сердцу. Торможение и разгон? —
Ку-ку! Кукурузник летит, росую по самое горло залит.
Нитью стальной разрезает его горизонт.

Глубокий желтый (Цикл)

1

Осень – плацкарта в небесную глушь.
Едешь, шумишь по заоблачной пыли
между холмами и окнами луж,
вздутый листвы на невысохшем иле.

Вверх устремляется рой мотыльков.
Осень потерями или дарами
нас погребает на сотню веков,
желтою глиной сползая на мрамор.

Дважды обжегся сегодня с утра:
тем, что пришел, и горячей тобою.
Бледным на вид угольком из костра,
вложенным в холм, наметенный листвою.

2

Это запись на ливне, на струях,
на колесах, застрявших в грязи,
о гремящих веках и кастрюлях,
пользе дела и страхе грозы.

Это черный оркестр и лиловый
всем играет, что поздно искать
свой оттаявший смысл и ледовый.
И пора бы давно перестать.

Продолжения нет у историй.
Вбито дерево жизни в меня.
Дождь идет, как проносится скорый,
что хотел проскочить дотемна.

Ждешь что дальше, ласкаешь словечки,
прчешь мятной слюной под язык...
Это запись на холоде речки,
водке, ласточках с желтой Янцзы.

3

Осень – глубокий желтый.
С подступающим холодом,
небом расколотым,
с пустотой, крадущейся тихо,
даже не различишь шаги —

чи...

Красный крестик на всех наехал
скрипом снега или фольги.

4

Европа погрязла в дождях и вещах,
во тьме заходящего лета.
И вниз головой облака натошак
сползаются с вяленых веток
на сырость и серость от мрачных морей
и скверного менталитета,
от сдувшихся утром ночных фонарей
на млечную видимость света.

Не то чтобы здесь, где рисунком оград
перебраны тени, как струны,
я солнцем не сыт, с ходу ливню не рад,
страдаю затмением лунным.
Но свет проникает в такие углы
и так согревает открыто,
что ярче еще и не видывал мглы
и желтого вспышек до крика.

5

Баскетбольно оранжевый прыгает мяч.
Скачет, скачет всё тише и ниже.
Дальше катится – лужи, поля, стройки дач...
Пропадает, не вижу.

Звезды встанут на место, и – мяч тут как тут,
то на Белку похож, то на Стрелку.
А закроешь глаза и представишь, как ждут
космонавтиков, пьяненьких в стельку.

Вот летят они, тут им встречается мяч
ниоткуда, чужак без орбиты...
И сигнал принимают, как вызов на матч.
Будут, будут разбиты...

...И представишь: как страшно, насколько ничей,
как недолго бы выдержал муки,
дрожь холодную каждой из долгих ночей...
Скачут вспышки в сожженные руки.

6

Жена шумит, как холодильник,

в шестом часу утра.
Как в холодильнике будильник,
звенит в мозгу – пора!
Вставать пора, пора ложиться,
осенняя пора!
Никак не выдержать, не сжиться
с покоем до утра.
Какая школа и работа?
Какая жизнь прошла.
Лишь желтой осени зевота
воронкой вобрала.

7

И осень начинается, когда
уже дохнули облачно сюда
ожившие Лернейские болота;
когда связались время и вода,
сухие звуки спелого плода
и треснувшего солнца позолота.

И осень продолжается, пока
не оценили ветер облака,
не растрясли свой рыбий жир над нами.
И если б не закрытые глаза,
чтобы себя не видеть, спать нельзя,
но делать вид, что спишь ночами, днями.

8

Какое-то время я посвятил
наступлению сентября:
подметал дорожку, вдыхая пыль,
выбрасывал лишние вещи.

Стихи о любви (Семейный альбом)

1

Ты думаешь, так занимают меня
твоя толщина и твоя худоба,
морщины, «гусиные лапки»?
А если не время волнует меня
абсурдную формой увядшей тебя,
а только любовь без оглядки?..

Высокая облачность – плач на луну.
Я просто шучу на неостром краю,
стараясь повесить наш градус.
И в наших объятиях – время в плену.
И шутки мои вызывают твою
неправдоподобную радость.

2

Главный герой надоест быстрее.

Второстепенный – как без лица.
А героиня, уже старея,
не различает их до конца.

Будто они то в тени, то сзади.
А перед нею обрывный край —
ужас на выбор. Чего же ради
ей притворяться, поди сыграй!

То есть дурачь, не люби так сильно.
То есть люби, но дурачь сильнее...
И передай наш ответ с посыльным:
«С нами не будет, что стало с ней!»

3

Пока зима,
пока зима лежит, касаясь снегом губ.
И я совсем не тот, кто вдаль любим и вглубь.
И ты совсем не та, кто был любим и любит без ума.

«Музу мою не зовут никак...»

Музу мою не зовут никак.

Она напускает в слова туман.

Хотелось бы, чтоб подавала знак,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.